

Появление в России мифа о «желтой опасности»*

Лекха Жукова

“Желтая опасность” – один из мифов о внешнеполитической угрозе для России – занимает не последнее место в ряду многочисленных подобных мифов и в том или ином виде существует до сих пор.

Появление этого мифа относится к концу XIX в., хотя сам термин был введен значительно позднее.

В процессе формирования мифа о “желтой опасности” можно выделить несколько этапов. Отчасти они обусловлены колебаниями дипломатической линии России на Дальнем Востоке, отчасти – появлением новых аргументов и “общественных идей”.

Началом осознания “опасности с Востока” становятся 90-е годы XIX в. В целом отношение к “желтым” странам не однозначно, оно различается в зависимости от того, насколько реальной представляется возможность распространения на эти территории русского влияния, и в зависимости от “известности” страны в России.

Под “желтым” миром в это время подразумеваются Корея, Китай и Япония. Монголия в “желтом” мире самостоятельно практически не присутствует. Вообще говоря, Монголия уже известна в России – появляются исследования Н.Я.Бичурина, О.М.Ковалевского, И.Я.Шмидта и других исследователей. С созданием в 50-е годы XIX в. Во-

ЖУКОВА Лекха Вильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории XIX – начала XX в. Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Ключевые слова: “желтая опасность”, мессианская идея, культурная миссия, экономическая экспансия, “Желтороссия”, внешнемирный стереотип, панмонголизм, русско-японская война, боксерское восстание, внешняя политика, Япония, Китай, Корея, Монголия.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

сточно-Сибирского и Приамурского отделов Русского географического общества возникло академическое и прикладное монголоведение в Кяхте, Верхнеудинске (Улан-Удэ), Владивостоке, Иркутске¹.

Однако в прессе Монголия упоминается редко и вскользь как этническая родина бурят.

Наиболее благожелательно воспринимается в 90-е годы XIX в. **Корея**.

Она не слишком известна в России, хотя первые сведения о “Стране Утренней Свежести” проникли в Россию уже к концу XVII в.

В 1861 г. была проведена маркировка российско-корейской границы, а в 1886 г. в Сеуле открылась русская дипломатическая миссия.

Однако, несмотря на появление уже довольно большого количества литературы о Корее², ориентированной на массового читателя, особого интереса эта страна в России не вызывала, воспринималась как слабая, не способная к самостоятельной политике и легко ассимилирующаяся русскими³. Поэтому отношение к ней благожелательно покровительственное.

Дипломатические отношения между **Китаем** и Россией начинают складываться в XVII в.

К этому времени, по мнению В.С.Мясникова “В российской внешнеполитической традиции ... утвердилось представление об относительном равенстве субъектов международных отношений”¹. Однако позитивное отношение к Китаю с течением времени претерпело существенные изменения.

Особенно отчетливо это заметно в середине 50-х годов XIX в. Страна эта кажется хорошо известной – начало развития отечественной ориенталистики теснейшим образом связано именно с Китаем.

К середине XIX в. в общественном сознании укрепился устойчивый сте-

реотип восприятия Китая как страны отсталой, малоразвитой, не способной к самостоятельной внешнеполитической линии, близкой по ментальности к Средней Азии, и “инстинктивно тяготеющей” к России.

Япония становится известна русскому человеку в конце XVII – начале XVIII в., однако более или менее прочные дипломатические контакты начинают устанавливаться лишь к середине XIX в.

Малоизвестная Япония воспринималась по принципу подобия – “тот же Китай”, “татары”, “Средняя Азия” и т.д. с некоторыми элементами негативной окраски. Однако никакой “боязни Японии” еще не существовало, скорее – наоборот. Страна представлялась слабой, отсталой и довольно курьезной.

“Японская” тема начинает выделяться в самостоятельную в русской периодической печати с 80-х годов XIX в.

“Отделение” Японии от остального “желтого” мира приходится на начало 90-х годов XIX в. Причем отделение идет достаточно резкое – по принципу противопоставления. Если остальные страны воспринимаются как “мирные”, то Япония представляется традиционно воинственной³. Если Китай и Корея относятся к странам “самобытным” и от этой самобытности медлительным, то Япония воспринимается как страна, способная не ассимилироваться, а быстро перенять европейскую культуру и развиваться как в экономическом, так и в военном отношении.

В 1890–1895 гг. идет активная выработка дальневосточной линии внешней политики России.

В этот период времени в общественном сознании легко уживаются две самостоятельные идеи. Одна – о близости Дальнего Востока к России (и отсюда – “мессианской” задаче России по отношению к отсталым “желтым” го-

сударствам). Другая – о враждебности Дальнего Востока России.

“Мессианская” идея включала два внешне близких подхода. Выразителем одного был П.А.Бадмаев. Смысл его идей заключался в том, что народы Тибета, Китая и Монголии близки к России и сами хотят перейти “под руку Белого царя”. Для скорейшего исполнения надежд этих народов П.А.Бадмаев предполагал получить от С.Ю.Витте довольно значительный кредит на “вооружение бурят”^{*}.

Несколько по-другому трактует мессианскую задачу России на Дальнем Востоке Э.Э.Ухтомский. По его мнению, Россия должна была способствовать, в первую очередь, культурному и экономическому развитию края, но без малейшего насилия.

Главное отличие двух подходов состояло не только в предполагаемых методах реализации мессианской задачи. Бадмаев, имея в виду в основном бурят-монголов, предполагал механическое включение их в состав Российской империи. Ухтомский же имел в виду, прежде всего, Китай и мыслил категориями экономической и культурной экспансии. Из Манчжурии, Монголии и Северного Китая, по его мнению, должно было быть создано “при минимуме жертв и затрат с совершенно мирными целями”³ некое государство “Желтороссия”. Россия же должна только “просветить” Азию. Интересно, что отношения между Бадмаевым и Ухтомским носили довольно напряженный характер, и окончательно испортились к 1895 г.

В 1895 г. началась война между Японией и Китаем. Для России это был важный момент: с одной стороны,

Россия, вместе с другими европейскими государствами, собиралась активно вмешаться в японо-китайский конфликт, а с другой – следовало определиться – на чьей стороне вмешиваться.

25 мая 1895 г. министр иностранных дел Лобанов-Ростовский предложил Николаю II сделать окончательный выбор.

Николай II колеблется, на его решение пытается оказать влияние Западная Европа. 26 апреля 1895 г. Вильгельм II пишет Николаю II довольно пространное письмо по этому поводу. Появляется новая трактовка мессианской задачи России. Если Россия не поддержит агрессивную Японию, она тем самым не только спасет народы Дальнего Востока, но и Европу от “Азии”. Таким образом, Николаю II предлагается еще один вариант “мессианства”.

Собственно в этот момент и начинается складывание мифа о “желтой опасности”.

Некоторое время под “желтой опасностью” понимались и Япония, Китай в зависимости от пристрастия авторов. Япония, безусловно, представлялась более опасной. Однако и Китай “может пробудиться от своей самобытности под влиянием тяжелых поражений, в соединении с Японией составляет уже большую опасность”⁵.

Наконец, Николай II делает свой выбор.

И вскоре получает письмо от Вильгельма II: “...От всей души благодарю тебя за то, что ты так прекрасно положил начало совместным действиям всей Европы на защиту ее интересов против Японии”⁶.

После заключения мира между Японией и Китаем, в России начинается интенсивный процесс мифотворчества.

^{*} Он получил 2 млн. руб. Вооруженные буряты должны были переселяться на территорию Манчжурии и Китая и склонять местное население переходить под покровительство России.

Едва упоминавшаяся в 1895 г. “желтая опасность” нуждается в уточнении и конкретизации. Публикации 1895–1897 гг. как раз и посвящены этому. Этнокультурный стереотип не развивается и отходит на второй план. На первое место выходит “внешнемирный” стереотип. Япония как государство персонифицируется и рисуется страной высокомерной и наглой, “наследственно воинственной”. Огромное количество публикаций посвящено усилению антирусских чувств в Японии.

Иное отношение к другим странам “желтого мира”. О корейцах говорится, что “они легко научаются русскому языку, вместе с языком перенимают русские обычаи и нравы и переходят в православие”³.

В отношении Китая в этот момент “побеждает” позиция Э.Э.Ухтомского: Россия должна “идти на Восток, и окончательно преградить доступ в империю богдоханов, доступ всякой иноземщине”³. Однако летом 1897 г. “иноземщина” все же проникает в Китай – немцы занимают Циндао, затем Цзяо-Чжоу, сами китайцы начинают сотрудничать с англичанами, а в России сменяется министр иностранных дел – на место умершего Лобанова-Ростовского назначается Муравьев.

Новый министр иностранных дел начинает выработку собственного внешнеполитического курса. В связи с этим инициируется следующий этап мифотворчества.

На этом этапе идет дальнейшее структурирование в общественном сознании понятия “Желтый Восток”.

Корея “отходит... на второй план”⁵. В новом восприятии Корея приобретает особую окраску. Корею отделяют от Китая. Более того, как бы отделяют от желтого мира вообще, полагая, что Корея – лишь разменная монета во внешнеполитических интересах России, и Россия может ее “отдать” или “не отдать”.

Наконец появляются и такие высказывания: “К чему нам навязывать свой протекторат Корею? Пусть ее развивается самостоятельно; нет беды в том, что в этом полудиком государстве усилится японское и английское влияние”⁵.

Большие изменения происходят в восприятии Китая. Один из первых, кто предупреждает на этом этапе о возможной “китайской опасности” – П.А.Бадмаев.

27 февраля 1897 г. он обращается к Николаю II с запиской, в которой сказано, что “вследствие быстрого решения вопроса о постройке маньчжурской железной дороги могут возникнуть осложнения в Китае”⁷.

Если опасения П.А.Бадмаева, выраженные в личном обращении к Николаю II, смутны и неясны, то другие авторы гораздо откровеннее.

“Китайская угроза” им видится в конкуренции товаров и рабочей силы.

Интересно, что этот момент, очевидно, стал переломом в традиционном восприятии Китая.

До сих пор “отсталая, медлительная, миролюбивая” страна начинает восприниматься по-другому. Оказывается, русские товары в Китае покупают мало (они дороже аналогичных товаров других европейских стран). Сами китайцы после начала строительства железной дороги начинают продавать свой товар России значительно дороже, чем раньше. Обманутые общественные ожидания (до сих пор представлялось, что в Китае мы – “у себя дома”) способствуют резкой подмене стереотипа: “Как оказывается, на восточных наших окраинах китайцы являются в той же роли, со всеми ее последствиями, в какой на западных окраинах являются евреи”⁸.

Другая причина опасений в отношении Китая – конкуренция “в области ручного труда” (Шрейдер).

Еще недавно к китайским поселенцам на Дальнем Востоке относились вполне благожелательно, превознося их старательность, терпение и трезвость. Теперь все меняется – появляется довольно большое количество статей о низкой производительности труда китайцев. Но главная опасность – в дешевизне их труда. Соглашаясь на ничтожную плату, они вытесняют с Дальнего Востока русских рабочих. Рост рабочего движения в Сибири объясняется просто – “виноваты здесь китайцы”⁹.

Наконец, самый главный страх – китайцев слишком много. Даже “Вестник Европы” с опасением отмечает, что “гуземцев” (китайцев – *Авт.*) на Дальнем Востоке – все больше и скоро они совсем вытеснят русских¹⁰.

Нельзя сказать, что “позитивное отношение” к Китаю, и вообще к Дальнему Востоку в этот момент совершенно исчезло.

Мессианская идея, главным адептом которой по-прежнему выступает Э.Э.Ухтомский, также присутствует. Однако и эта позиция претерпевает изменения. Россия должна защитить Китай от тлетворного влияния Запада. Однако после событий 1898 г. князь остается в явном меньшинстве. Да и его собственная позиция меняется, что отчетливо проявляется в укоризненном тоне статьи “О Китае”¹¹.

Что касается Японии, то она в этот период достаточно резко отделяется от “желтого мира”.

Утверждений, что “японцы – те же китайцы” ни в научной литературе, ни в периодической печати больше не встречается. Более того, авторы перестают замечать общность культуры двух народов. “Отделение” Японии от Китая получает и новую интерпретацию – всячески подчеркивается враждебность населения Китая по отношению к Японии и агрессивность Японии по отношению к Китаю (Япония “име-

ет наглость” пытаться участвовать в разделе Китая).

Наряду с достаточно общими и уже традиционными обвинениями в адрес Японии (коварство, двуличие, жестокость, воинственность и т.д.) появляются и новые. В частности, японские торговцы обвиняются в недобросовестности.

Интересно, что в этой связи происходит и “объединение” Японии и Китая – обвинения весьма сходны и употребляются в одном и том же контексте. С другой стороны, появляется тема “угрозы” японских товаров европейским¹². “По поводу” японской торговли читателю представляются также сведения о растущих военных расходах Японии.

Наконец, на рубеже 1897–1898 гг. появляется и еще один важный аргумент “японской опасности”. Стремясь противостоять расширению европейского, прежде всего германского влияния на Дальнем Востоке, Россия сталкивается с противодействием Японии, которая, по утверждению русских авторов, весьма благосклонно относится к расширению этого влияния. С другой стороны, Англия стремится сделать из Японии “противовес” России на Дальнем Востоке. Таким образом, миф о “японской опасности” оказывается, до известной степени, интегрирован в миф о “европейской опасности”.

Большое количество статей обращает читателя к японо-китайской войне. В этой связи всячески подчеркивается агрессивность Японии, а также ее презрение к нормам международного права.

Новый этап формирования мифа о “желтой опасности” связан с боксерским восстанием в Китае (лето 1900 г.) и назначением нового министра иностранных дел – Ламсдорфа.

Снова обретают популярность мессианские высказывания Э.Э.Ухтомского.

Появляется даже самостоятельная брошюра “К событиям в Китае” (СПб. 1900), в которой толкуется о миссии России на востоке. Некую трансформацию идей десятилетней давности можно усмотреть в резко негативном отношении к Японии. Если раньше страна представлялась только неприятной, не дружественной, то теперь она становится “гнездом иностранцев” (европейцев, что гораздо страшнее! Вот она – “японская опасность”!). В то же время продолжается развитие тезиса об опасности наводнения рынков, в том числе и европейских, японскими товарами.

Однако, все “благожелательные” и “мессианские” высказывания пресекаются кризисом 1901 г.

Дипломатические неудачи (переговоры с Китаем) приводят к резкому изменению отношения СМИ к Дальнему Востоку в целом.

Предвестником нового витка мифотворчества становится серия статей, помещенных в “Вестнике Европы” (февраль 1901 г.). “... Явилось опасение, что приносимые жертвы не окупятся выгодами, тяжко лягут на живущее поколение, ослабят его культурный рост и ослабят наше положение в Европе”¹⁰.

Оживляются и другие периодические издания. В “Русской мысли” (№ 4, 5, 7, 10, 12 за 1901 г.) говорится о необходимости серьезных военных предосторожностей⁵.

Наконец, уже в октябре 1901 г. появляются высказывания о неизбежности войны с Японией.

Термин “желтая опасность” впервые появляется в 1902 г.

В январе 1902 г. несколько газет (Новый край, Восточное обозрение) публикуют статью И.С.Левитова “Первый номер желтой опасности”.

“...мы должны ... забыть о нашей цивилизаторской деятельности”, – призывает автор.

По его мнению, “желтая опасность” состояла в огромных государственных расходах на освоение края.

Цинизм и откровенность высказываний Левитова несколько испугал (Восточное обозрение) и раздражил (Ухтомский – письмом).

Однако в этом же смысле высказываются и Куропаткин: “Громадные затраты, произведенные и непрерывно производимые на Востоке, служат одною из существенных причин экономических затруднений в населении Европейской России”¹¹.

Отходит от своей мессианской идеи и Э.Э.Ухтомский: “Китай... не в состоянии был бы оценить нашего великодушия... а Запад... проникнут к нам неизлечимую неприязню”³.

В то же время целый ряд авторов (например, Россов “Новый край”, октябрь 1903 г. и др. СПб) использует мессианство в другом, откровенно агрессивном контексте.

Агрессивность этого контекста распространяется теперь не только на Японию, но и на Корею, интересы которой Россия должна защищать с позиции силы.

Наконец, “корейский вопрос” выходит на первое место. Он искусно используется для генерации представления о “желтой опасности”.

Связь “корейского вопроса” и “желтой опасности” замечательно отразилась в серии публикаций и отдельной брошюре И.С.Левитова “Желтый Босфор”.

“Признавая законность” притязаний Японии на Корею, автор как бы “объясняет” причины этого. “Японии тесно стало на своих островах, и она ищет себе места, куда бы могла выпустить избыток своего населения”⁹.

Потом выясняется, что японцы переселяются в Корею, чтобы “произвести объединение желтой расы под своей гегемонией”⁹.

Таким образом, Левитов не только ввел термин “желтая опасность”, но и сформулировал тезис о войне двух рас.

Отношение к Китаю в этот период тоже достаточно негативное. При этом он, впервые за долгое время, в чем-то

объединяется с Японией: он представляет для России экономическую и социальную угрозу.

От довольно большого количества публикаций о дешевизне и малой производительности труда китайских рабочих, авторы, и в первую очередь И.С.Левитов, переходят к обобщению: “Желтая раса не дает возможности состязаться на общем рынке труда, в виду дешевизны предлагаемых ими рабочих рук”⁹.

Наконец, в конце 1903 г. (ноябрь) появляется последняя, самая агрессивная трактовка “желтой опасности” – **панмонголизм**. Она постепенно вырисовывается из сочинений И.С.Левитова. Помимо опасности устремлений Японии на континент, автор пророчит “полный крестовый поход против христиан”⁹. Особенную опасность представляет Япония, по мнению автора, в случае ее союза с Китаем.

Отношение к Китаю в этот момент у многих авторов разительно меняется. Еще недавно “отсталый” и “дружественный” Китай теперь даже самым благожелательным авторам видится источником угрозы. Если П.Попов считает, что, объединившись с Японией, “миролюбивые по натуре китайцы вынуждены будут взяться за оружие”¹², то С.Горяинов высказывается более решительно: “Китай может двинуться на Европу медленно, неуклонно захватывая и ассимилируя все на своем пути. Двинуться стихийно, как движется грозная туча саранчи, не зная преград, не зная цели”¹².

Странников Китая остается все меньше.

Даже Ухтомский в этот момент занимает двойственную позицию. Санкт-Петербургские ведомости уверяют, что не правы те китайские газеты, которые “хотят видеть приговора Китаю к войне с Россией”³.

В то же время газета помещает статью Сергея Трубецкого, который “защищает” Китай на свой лад. По его мнению, агрессия Китая растет не сама по себе, а из-за вмешательства в их отношения Японии – “передового поста монгольского, азиатского мира”³.

Сам Ухтомский не может принять “панмонголизма”, как идеи, глубоко чуждой всем его представлениям.

“Никакого панмонголизма, никакой “Азии для азиатов”, никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по моему и нет, и быть не может. Все те идеи мирового господства (в пределах Старого Света), которыми жили и дышали величайшие монархи Древнего мира и Средневековья, всецело перешли в кровь и плоть русского народа, после столетий единоборства с татарами”¹³.

Голос князя тонет в многочисленных враждебных публикациях, а начавшаяся война пресекает любую возможность дискуссии.

30 мая 1905 г. И.С.Левитов обратился к Ухтомскому с письмом. Выражая радость по поводу “толков о мире”, он ненавязчиво упоминал о своем разговоре с генералом Алексеевым и просил князя переговорить с принцем Ольденбургским, чтобы разрешили “прочсть одну лекцию для народа в народном доме с целью выяснить ему значение для нас мира и при каких условиях мы можем заключить его”¹⁴.

Левитов заверял Ухтомского, что не такой он человек “чтобы воспользоваться и пропагандировать какие-нибудь вредные для государства идеи”¹⁴.

Однако князь, в раздражении, смял письмо, и кинул в мусорную корзину. Санкт-Петербургские ведомости больше не пишут о Востоке. Другой враг – Западная Европа – занимает князя.

Однако “желтая опасность” не забылась.

В 1911 г. русский посол в Турции Н.В.Чарыков подготовил “заключение” по “мусульманскому вопросу”¹⁴.

“Желтая опасность” заключалась, по мнению автора “в возможности культурного и даже военного соперничества желтокожих обитателей Азии с народами белой расы” и она напрямую связана с паназиатизмом, а именно с панисламизмом и пантюркизмом.

И хотя, даже на взгляд самого автора, эта связь была не очевидна*, он предупреждал, что “если... против христианских государств ополчатся сооб-

ща языческие желтые народы Азии и те народы белой и иных рас, которые исповедуют мусульманство, то опасность для христианских государств значительно возрастет”.

Чарыков был не одинок в своей позиции.

“По мнению русского китаиста XIX в. академика В.П.Васильева величайшая угроза миру Евразии могла заключаться в грядущей “исламизации Китая”. Среди отечественных исламоведов эту точку зрения в начале XX в. разделял Н.П.Остроумов”¹⁵.

Таким образом, и после русско-японской войны тема “желтой опасности” не утратила своей актуальности. Напротив, она вписывается в более грозный миф о “паназиатизме”, и, не утратив сущности расового противостояния, приобретает более глобальные масштабы – противостояния “Восток-Запад”.

Примечания

¹ Россия и Восток. СПб., 2000. С.219, 335.

² Шрейдер Д.Б. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.

³ Санкт-Петербургские ведомости (далее – СПбВ). 1895. 12 октября. С. 1; 1895. 17 февраля. С. 3; 1895. 6 января. С. 1; 1896. 6 февраля. С. 1; 1898. 8 января. С. 3; 1898. 16 января. С. 1; 1902. 21 января. С. 3; 1903. 10 декабря. С. 3; 1904. 24 января. С. 1.

⁴ Горяинов С. Новый Край. 1903. 12 октября.

⁵ Русская мысль. 1895. Апрель. С. 158; 1898. Май. С. 187; 1898. Апрель. С. 177; 1901. Май. С. 288.

⁶ Переписка Вильгельма с Николаем II. М., 1923. С. 21.

⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 5об.

⁸ Гурьев Г. Очерки сибирской жизни // СПбВ. 1897. 14 февраля. С. 3.

⁹ Левитов И.С. Желтый Босфор. СПб., 1903. С. 33., 29, 33, 75, 82.

¹⁰ Вестник Европы. 1902. Февраль. С. 668; 1901. Февраль. С. 145.

¹¹ Куропаткин А.И. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 11.

¹² Новый край. 1903. 9 ноября. С. 2; 1903. 12 октября. С. 3.

¹³ Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С. 7. Брошюра печаталась также в газете Санкт-Петербургские ведомости с № 24 от 25 января 1904 г. на первых страницах.

¹⁴ РГИА. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 10. Л. 12; Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 469. Л. 293-302.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 74. Л. 246.